

УДК 316.733(=16)(571.1)
DOI: 10.17223/19988613/56/18

В. Ольшевски

ТРАНСФОРМАЦИИ ИДЕНТИЧНОСТИ СИБИРСКИХ ПОЛЯКОВ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ

Работа выполнена при поддержке Программы повышения конкурентоспособности Томского государственного университета.

Дифференцированность национальной идентичности предков нынешних «сибирских поляков» обусловлена тем, что переселившиеся во второй половине XIX – начале XX в. в Сибирь поляки были выходцами из разных регионов Польши и представляли разные общественные сословия. Политика недопущения компактного проживания крупных скоплений поляков способствовала утрате ими своей национальной идентичности, быстрее других – польскими крестьянами Сибири. Перемещение «сибирских поляков» из деревни в город привело к смешению традиций, появлению разных моделей «польскости», что отражает многообразие самоназваний: поляки, поляки-россияне, сибирские поляки, сибиряки, русские с польскими корнями.

Ключевые слова: «сибирские поляки»; динамика и трансформация идентичности.

Считается, что польская диаспора в мире насчитывает около 20 миллионов человек. По отношению к почти 39 миллионам жителей Польши это весьма внушительная часть (больше половины)¹. Неудивительно, что эта диаспора рассматривается как явление важное для нации и государства и становится предметом многих научных исследований, проводимых польскими историками, антропологами культуры, социологами и представителями других дисциплин. После Второй мировой войны сложившиеся на Западе крупные польские диаспоры снова начали поддерживать интенсивные контакты с Польшей начиная с 1970-х гг. С этого времени они также становятся в Польше предметом научного анализа. Контакты с польскими группами, проживавшими на территории Советского Союза, до 1990-х гг. были ничтожными, а немногочисленные научные работы на эту тему ограничивались скупой информацией главным образом исторического характера, касающейся ссыльных поляков царских времен. После перестройки и распада Советского Союза в Польше исчезла проблема недостатка сведений и ограниченным доступом исследователей к ситуации, связанной с положением польских диаспор, оказавшихся после Второй мировой войны на землях, утраченных Польским государством. Польские и российские историки, нередко при активном сотрудничестве друг с другом, развернули также широкий фронт исследований истории поляков в местах ссылки – в Сибири и Казахстане [4–11 и др.]. При этом, однако, слабо изученным оставалось современное положение поляков на этих территориях, включая вопросы развития их культуры и идентичности, поскольку преимущественное внимание уделялось историческому прошлому.

Между тем проблемы современного положения польских диаспор на местах прежней ссылки – это отнюдь не чисто научные проблемы (к слову сказать, в современном Казахстане их решение оказалось более продвинутым и успешным, чем в Сибири). Во-первых,

польские диаспоры за границами Польши рассматриваются как культурный и экономический мост, связывающий нашу страну с государствами, в которых эти диаспоры проживают. Во-вторых, существование польских диаспор на территориях бывшего Советского Союза до сих пор остается важным элементом в польском национальном сознании. В рамках этого национального сознания сталкиваются представления о «поляках с Востока» (нередко основанные на исторических мифах и устоявшихся стереотипах) с той реальностью, в частности в культурной сфере, которая выявляется при непосредственных контактах жителей Польши с «поляками с Востока», особенно в тех случаях, когда последние приезжают навсегда («возвращаются» на основе репатриации) в Польшу; такие столкновения вызывают множество недоразумений. Приезжие («репатрианты») кажутся многим людьми слишком мало польскими, слишком сильно русскими (см. об этом: [12, 13]). Я специально останавливаюсь на этом, чтобы подчеркнуть, что проблемы идентичности «сибирских поляков» важны не только для российских, но и для польских исследователей. И те и другие обратились к данным проблемам. В России они стали частью исследований широкой проблематики сибирской идентичности (см.: [14]). В Польше эти вопросы поднял Сергиуш Леончик в своей докторской диссертации [11]. В ближайшие годы должны быть завершены еще две кандидатские, написанные под моим руководством (в рамках польско-российского сотрудничества), посвященные вопросам идентичности представителей польской диаспоры в Сибири. Тем не менее, до сих пор мы не можем сказать, что знаем эти проблемы достаточно хорошо. Поэтому настоящий текст – это, скорее, введение в проблему, нежели окончательный диагноз.

Исходное положение. Идентичность современных «сибирских поляков» невозможно исследовать в отрыве от идентичности их предков, живших в Сибири во вто-

рой половине XIX и в начале XX в.² Хотя польская национальная идентичность – в современном значении этого слова – формировалась уже в Средние века, однако даже на рубеже XIX–XX вв. она еще не охватывала все общество. Польская шляхта, игравшая роль национального лидера, включала в свои ряды и без труда ассимилировала представителей дворянства других народов; вплоть до январского восстания (1863 г.) она была не в состоянии подняться над представлениями о собственной классовой (сословной) исключительности и распространить понятие национальной идентичности на все общественные группы. Этот процесс начался и усилился лишь в конце XIX в. стараниями интеллигенции, происходившей первоначально в своем большинстве также из дворянского сословия. Эта интеллигенция сменила шляхту в роли национального лидера. В тот период, когда основная группа предков нынешних «сибирских поляков» появилась в Сибири (точнее, в России), идентичность населения, которое условно назовем «польским», имела крайне сложный и дифференцированный характер. Здесь были группы, главным образом крестьяне, с сильно выраженной консервативной этнической идентичностью, основанной на приверженности к образцам традиционной культуры, внедрением которых занимались местные авторитеты. Большинство, однако, составляли люди с сильной, высокоразвитой национальной идентичностью, которая была связана с активным, творческим, сознательным участием в развитии общей национальной культуры, в реализации целей, поставленных национальными лидерами³. Это большинство уже охватывало в тот период и шляхту, и преобладающую часть буржуазии и рабочего класса, а также значительную часть крестьянства. Однако и их коснулись динамические процессы в сфере развития идентичности, имевшие место в Европе на рубеже XIX и XX вв. После возрождения Польского государства (Речи Посполитой) в 1918 г. оказалось, что нередко близкие родственники, даже братья, члены одной семьи обладают разной национальной идентичностью (среди известных семей, сыгравших видную роль в политической и культурной жизни страны, можно привести в качестве примеров семью Милошов, семью Ромеров, в которых оказались люди с польской и с литовской идентичностью, или семью Шептыцких, представители которой разделились на поляков и украинцев). Важно также иметь в виду, что поляки, оказавшиеся в Сибири на рубеже веков, были в культурном измерении неоднородны также в зависимости от региона их происхождения, и это касалось всех общественных групп, не только крестьян.

Почти до самого конца XIX в. поляки, прибывавшие в Сибирь – в качестве ссыльных или экономических мигрантов – были людьми с сильной и прочной национальной идентичностью. Те из них, кому удавалось успешно проводить предпринимательскую деятельность, основывали в Сибири Польские Дома и другие организации благотворительного и культурного харак-

тера, помогали ссыльным соотечественникам. Сами ссыльные создавали неформальные товарищества, стремившиеся к сохранению status quo в области культурной польской идентичности, к сохранению, как это часто формулировалось, «национального достоинства» поляков (Я в данном случае не вхожу в детали, связанные с различным положением ссыльным, определяемым, в частности, разной степенью тех наказаний, какие на них были наложены – на эту тему писали А. Кучинский [4], С.А. Мулина [8] и другие авторы).

Российские власти заботились о том, чтобы в Сибири не возникли слишком большие очаги скопления поляков, чтобы польское население было как можно больше рассредоточено по разным местам и регионам, что в значительной мере мешало сохранению чувства и сознания «польскости». К этому еще добавлялась широкая палитра преследований, притеснений, различных способов заставить поляков отказаться от польской идентичности (так, ломались служебные карьеры тех польских чиновников и военнослужащих, которые отказывались перейти в православную веру и сохраняли верность католическому вероисповеданию). Однако сила этой группы заключалась в конструировании идентичности, опирающейся на сознательное, активное участие в развитии национальной культуры. Представители этой группы брали на себя роль культурных лидеров. В такой роли, прежде всего, выступали поляки, которым в Сибири удалось добиться успехов на экономическом поприще, а также некоторые (немногочисленные) ксендзы и руководители неформальных объединений ссыльных. В этой группе шел процесс формирования идентичности, которая не требовала обращения к традиционным культурным образцам.

Иначе выглядела ситуация, связанная с пониманием «польскости» в среде крестьян, переселенных в Сибирь принудительно или добровольно (в рамках столыпинской программы колонизации восточных территорий). Эти люди приезжали сюда из разных регионов Польши; они были носителями разных культурных традиций, а также разных форм и типов польской идентичности – от преимущественно этнической до сильно выраженной национальной. Заброшенные в российские регионы, оказавшиеся в окружении русской этнической среды и культуры, они были крайне слабо связаны с католической церковью, с другими группами польской диаспоры, а порой и вовсе не имели никаких связей такого рода. Роль лидеров здесь естественно принадлежала местным деревенским авторитетам, обычно людям старшего поколения, наиболее опытным в профессиональных и житейских делах. Однако в действительности им трудно было играть эту роль, поскольку новая общественно-культурная ситуация и новая среда, в которой они оказались, требовали новых практических компетенций, которыми эти старые авторитеты не обладали. Таким образом, их роль уменьшалась, особенно в ситуации естественно усиливавшихся контактов с непольским окружением, в условиях совместной жизни

польских переселенцев с этим населением. Отсутствие высоких языковых барьеров между поляками и русскоязычным населением Сибири способствовало интенсивному процессу ценностного обмена, причем в этом процессе польское меньшинство оказывалось в более слабой позиции и постепенно утрачивало свой родной язык. Крестьянская (деревенская) часть сибирской колонии (польской диспоры) легче теряла не только родной язык, но и собственную идентичность (см. об этом: [11]). На этом фоне выделяется последняя, еще существующая в Сибири польская деревня Вершина (Wierszyna). Она была заселена поляками с уже сформировавшейся национальной идентичностью, а культурные и языковые различия между ними и окружающим бурятским населением предохраняли польских переселенцев от ее потери.

Советский период. Национальная политика Советского государства была изменчива – так же, как его отношение к польской диаспоре в Советском Союзе. Связанный с этим широкий круг вопросов, находящихся как в правовой, юридической сфере, так и в сфере культуры (в последнем случае, правда, в меньшей степени), хорошо известен и глубоко исследован и российской, и польской наукой.

Здесь я хотел бы, однако, обратить внимание на три момента, важных для процессов формирования идентичности в современной польской диаспоре в Сибири. Первый момент – это репрессии 1937–1938 гг., когда сам факт признания человеком своей польской идентичности мог оказаться небезопасным для его жизни. Второй – ликвидация так называемых неперспективных деревень: в рамках этой кампании было уничтожено большинство из тех 60 польских деревень, которые существовали в Сибири (см.: [11]). Третий – это общая мобильность населения в Советском Союзе, вызванная, между прочим, задачами развития науки и ситуацией на рынке труда (см. об этом: [14]).

Современность. Кто сегодня есть «сибирский поляк» и что он собой представляет? Как кристаллизовалась его идентичность? С. Леончик (Leończuk) в своих исследованиях утверждает, что за советский период национальная идентичность польских жителей сибирской деревни значительно ослабела [11]. В свою очередь, российские историки, занимающиеся поляками Сибири, шутят, что найти сегодня жителя Сибири, у которого не было бы польских корней, так же трудно, как найти в Польше семью, где не было бы своего «сибиряка» (ссыльного, жившего в Сибири). Это подтверждают и мои исследования. Многие, даже, можно сказать, большинство известных мне жителей Сибири,

независимо от того, какова их нынешняя национальная идентичность, с гордостью сообщали мне о том, что среди их предков был польский шляхтич, обычно ссыльный – участник январского восстания 1863 г. Если вспомним, что передача детям такого рода семейной памяти о происхождении предков была в свое время делом небезопасным, то тем более мы должны оценить силу национальной идентичности участников этого восстания, привлекательность тех культурных образцов, какие с ними ассоциировались, в глазах их наследников. Ныне в Сибири действует 20 польских общественных организаций [18], которые в своих названиях декларируют польскую идентичность или хотя бы (как в случае с Енисейским объединением) признание «польских корней». Эти организации выполняют ныне роль национальных лидеров.

Ликвидация «неперспективных деревень» стала причиной переселения большинства их жителей в большие города. В них, прежде всего в Омск, Томск, Новосибирск, прибыла также группа поляков, мигрирующих в границы бывшего СССР или нынешней Российской Федерации в поисках работы или места обучения. В этих городах и формирующихся в них польских общественных организациях, можно сказать, встретились и объединились все – потомки бывших ссыльных, добровольных переселенцев, дворян (шляхты), крестьян, военнослужащих, предпринимателей, чиновников, потомки тех, кто против их воли оказался в границах СССР и попал сюда в результате разного рода политических пертурбаций. Вступая в польские общественные организации, работая в них, они соединяют свои (разные) представления о «польскости», свои образцы идентичности и формируют новое культурное качество – сибирского поляка. Это качество отнюдь не тождественно той «польскости», какой обладают граждане Польши, или какая, к примеру, характерна для самосознания представителей польской диспоры в США. Это совершенно новое культурное явление, причем, надо особо подчеркнуть, явление не однородное, а дифференцированное. Так кто же такой сегодня «сибирский поляк»? Ответы, в зависимости от подходов, различные: просто поляк; поляк-россиянин; сибирский поляк; русский (россиянин), сохранивший память о своих польских предках; сибиряк. В чисто теоретическом плане, с точки зрения антропологов, это чрезвычайно интересный случай, подлежащий исследованию. В культурном и политическом контексте сибирские поляки при всей их «разности», как раз благодаря этой разнородности, формируют сегодня культурный мост, связывающий Россию и Польшу.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Актуальные данные о численности поляков в разных странах [1–3].

² Предки менее значительной части сибирских поляков попали сюда позднее, уже в период существования Советского Союза, в частности, в ходе Второй мировой войны.

³ Здесь я очерчиваю упрощенно проблемы, которые нашли более широкое и детальное освещение в моих прежних публикациях на русском языке [15, 16] и которым я также посвятил отдельную книгу, изданную в Польше [17].

ЛИТЕРАТУРА

1. Liczebność Polonii na Świecie (Число поляков, живущих в мире). URL: <http://www.polskiinternet.com/poland/polonialiczba.shtml> (дата обращения: 25.09.2018).
2. Polska w liczbach (Польша в цифрах). URL: <http://www.polskawliczbach.pl/> (дата обращения: 25.09.2018).
3. Polonia na świecie – największe ośrodki polonijne (Полония в мире – крупнейшие польские центры). URL: <http://www.polonia2002.pl/polonia-na-swiecie.html> (дата обращения: 25.09.2018).
4. Kuczyński A., Syberia. Cztery lata polskiej diaspory. Warszawa : Wspólnota Polska, 1995.
5. Kuczyński A., Polacy w Kazachstanie. Zesłania, dziedzictwo, nadzieje powrotu. Krzeszowice : Kubajak, 2014.
6. Śliwowska W., Zesłańcy polscy w Imperium Rosyjskim w pierwszej połowie XIX wieku. Warszawa : DiG, 1998.
7. Śliwowska 2005, Śliwowska W., Ucieczki z Sybiru. Warszawa : Wydawnictwo Iskry, 2005.
8. Мулина С.А., Мигранты поневоле. Адаптация ссыльных участников польского восстания 1863 года в Западной Сибири. СПб. : Алетея, 2012.
9. Шостакович Б.С. Феномен польско-сибирской истории (XVII в. – 1917 г.). Основные аспекты современных научных трактовок, результатов и задач дальнейшей разработки темы. М. : МИК, 2015.
10. Островский Л.К., Поляки в Западной Сибири в конце XIX – первой четверти XX в. Новосибирск : Сибстрин, 2016.
11. Leończyk S. Polskie osadnictwo wiejskie na Syberii w drugiej połowie XIX i na początku XX wieku. Warszawa : Kulturalno-Narodowa Organizacja Społeczna „Polonia” Republiki Chakasja, 2017.
12. Książek 2018 Książek J., Problemy integracyjne niemieckich przesiedleńców z Rosji w Niemczech // Etnografia Polska. 2004. Vol. 48, № 1–2. С. 197–219.
13. Książek J., Stamtąd-tu. Obrazy tożsamości kazachstańskich Polaków w kontekście repatriacji. Toruń : Wydawnictwo Naukowe Uniwersytet Mikołaja Kopernika, 2018.
14. Жигунова М.А., Концепт «сибиряк»: современные трактовки и образы // Алгоритмы человечности. Опыт антропологического исследования. М. : ИЭА РАН, 2018. С. 351–368.
15. Ольшевский В. Культурная идентичность: избранные аспекты // Население Сибири: межнациональные отношения, образование и культурная идентичность. Омск : Полиграфический центр КАН, 2011. С. 68–87.
16. Ольшевский В. Историко-культурный контекст отношения поляков к жителям Сибири // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 4 (42). С. 80–85.
17. Olszewski W. Tożsamość kulturowa Kresów w humanistycznym nurcie polskiej myśli etnologicznej do roku 1939. Toruń : Wydawnictwo Uniwersytet Mikołaja Kopernika, 2007.
18. Organizacje polonijne w Irkuckim Okręgu Konsularnym (Польские организации в Иркутском консульском округе). URL: https://irkuck.msz.gov.pl/pl/wspolpraca_dwustronna/polonia_na_syberii/organizacje_polonijne/organizacje_polonijne (дата обращения: 25.09.2018).

Olszewski Wojciech. National Research Tomsk State University (Tomsk, Russia); Nicolaus Copernicus University (Toruń, Poland).

E-mail: wojol@umk.pl

TRANSFORMATION OF THE IDENTITY OF THE SIBERIAN POLES: THEORETICAL AND HISTORICAL-CULTURAL ASPECTS

Keywords: "Siberian Poles"; the dynamics and transformation of identity.

The Polish diaspora in Siberia is the subject of scientific interests of both Polish and Russian scientists. Their research, sometimes conducted jointly, has so far focused on the study of the historical past of the "Siberian Poles". This article addresses the less studied problems associated with the development of the cultural identity of Siberian Polish diaspora - polonia in modern conditions.

The strength and quality of national identity among the ancestors of the current "Siberian Poles" that appeared on this land in the second half of the XIX and early XX centuries were very different; they were still in the process of dynamic formation not only in Siberia, but even on the territory of Poland itself. Most Poles already had a strong national identity; their Polish identity was associated with active and conscious participation in the development of a common national culture and in realizing the goals formulated and set before the people by the national leaders. However, part of Polish society, mainly the peasant mass, had a more conservative identity, based on the repetition of traditional patterns and patterns, which local authorities cared about. Migrants to Siberia, both voluntary and involuntary, that is, brought here in exile by force, also differed widely by region of origin, by language, education, belonging to different social strata.

The Russian authorities did not allow the formation of large clusters of Poles in Siberia - their compact residence in one place. It was one of the factors that contributed to the Russification of the "Siberian Poles".

Quicker than others the Polish peasants who have turned out to be in Siberia lost national identity due to the very nature of (cultural design) of this identity. In addition, the former local authorities who found themselves in Siberia in the new natural, socio-cultural and political conditions, they were unable to successfully act as leaders. The liquidation of most of the 60 Polish villages in Siberia (as supposedly "unpromising") during the Soviet period, as well as the increased mobility of the population in the USSR and modern Russia have led to the movement of a significant part of the "Siberian poles" from village to city, especially in such large cities as Omsk, Tomsk, Novosibirsk, where the majority of them lives today.

Here were the descendants of exiled and voluntary settlers, descendants of nobles (shlyaxta), peasants, military personnel, officials and those who came to the USSR against their will as a result of political perturbations. Living side by side and cooperating with each other, first of all in the Polish social organizations formed in Siberia under the conditions of "Perestroika" Polish public organizations, the number of which is now measured by two tens, they contribute to the convergence and connection with each other completely different models of "Polishness" (ideas about their own identity), the carriers of which they are.

Thus, a special, qualitatively new culture is formed, uniting people who call themselves: "Poles", "Poles-Russians", "Siberian Poles", "Siberians", "Russians with Polish roots".

This diversity makes it possible for Siberian polonia to perform the functions of a bridge between cultures, connecting Poland with Russia today.

REFERENCES

1. Polskiinternet.com. (2013) *Liczebność Polonii na Świecie* [The number of Poles living in the world]. [Online] Available from: <http://www.polskiinternet.com/poland/polonialiczba.shtml>. (Accessed: 25th September 2018).

2. Polskawliczbach.pl. (n.d.) *Polska w liczbach* [Poland in numbers]. [Online] Available from: <http://www.polskawliczbach.pl/>. (Accessed: 25th September 2018).
3. Polonia2002.pl. (n.d.) *Polonia na świecie - największe ośrodki polonijne* [Polonia in the world – the largest Polonia centers]. [Online] Available from: <http://www.polonia2002.pl/polonia-na-swiecie.html>. (Accessed: 25th September 2018).
4. Kuczyński, A. (1995) *Syberia. Czteryście lat polskiej diaspory* [Siberia. Four hundred years of Polish diaspora]. Warsaw: Wspólnota Polska.
5. Kuczyński, A. (2014) *Polacy w Kazachstanie. Zesłania, dziedzictwo, nadzieje powroty* [Poles in Kazakhstan. Exiles, heritage, hopes turns]. Krzeszowice: Kubajak.
6. Śliwowska, W. (1998) *Zesłańcy polscy w Imperium Rosyjskim w pierwszej połowie XIX wieku* [Polish exiles in the Russian Empire in the first half of the 19th century]. Warsaw: DiG.
7. Śliwowska, W. (2005) *Ucieczki z Sybiru* [Escape from Siberia]. Warsaw: Wydawnictwo Iskry.
8. Mulina, S.A. (2012) *Migranty ponevole. Adaptatsiya ssyl'nykh uchastnikov pol'skogo vosstaniya 1863 goda v Zapadnoy Sibiri* [Involuntarily migrants. Adaptation of the exiled participants of the 1863 Polish uprising in Western Siberia]. St. Petersburg: Aletya.
9. Shostakovich, B.S. (2015) *Fenomen pol'sko-sibirskoy istorii (XVII v. – 1917 g.). Osnovnye aspekty sovremennykh nauchnykh traktovok, rezul'tatov i zadach dal'neyshey razrabotki temy* [The phenomenon of Polish-Siberian history (the 17th century – 1917). The main aspects of modern interpretations, results and objectives of the further development of the topic]. Moscow: MIK.
10. Ostrovskiy, L.K. (2016) *Polyaki v Zapadnoy Sibiri v kontse XIX – pervoy chetverti XX v.* [Poles in Western Siberia in the late 19th – first quarter of the 20th centuries]. Novosibirsk: Sibstrin.
11. Leończyk, S. (2017) *Polskie osadnictwo wiejskie na Syberii w drugiej połowie XIX i na początku XX wieku* [Polish rural settlement in Siberia in the second half of the 19th and early 20th centuries]. Warsaw: Cultural-National Community Organization "Polonia" of the Republic of Khakassia.
12. Książek, J. (2018) Problemy integracyjne niemieckich przesiedleńców z Rosji w Niemczech [Problems of integrating the displaced Germans from Russia in Germany]. *Etnografia Polska*. 48(1-2). pp. 197–219.
13. Książek, J. (2018) *Stamtąd - tu. Obrazy tożsamości kazachstańskich Polaków w kontekście repatriacji* [Stamtąd - here. Images of the identity of Kazakh Poles in the context of repatriation]. Toruń: Nicolaus Copernicus University.
14. Zhigunova, M.A. (2018) Kontsept "sibiryak": sovremennye traktovki i obrazy [The concept of "Siberian": modern interpretations and images]. In: Guboglo, M.V. (ed.) *Algoritmy chelovechnosti. Opyt antropologicheskogo issledovaniya* [Algorithms of Humanity. Experience of Anthropological Research]. Moscow: Institute of Ethnography and Anthropology, RAS. pp. 351–368.
15. Olszewski, W. (2011) Kul'turnaya identichnost': izbrannye aspekty [Cultural identity: Selected aspects]. In: Zhigunova, M.A. & Danchenko, E.M. (eds) *Naselenie Sibiri: mezhnatsional'nye otnosheniya, obrazovanie i kul'turnaya identichnost'* [Population of Siberia: interethnic relations, education and cultural identity]. Omsk: KAN. pp. 68–87.
16. Olszewski, W. (2016) Historical and cultural contexts of Poles' attitudes towards the inhabitants of Siberia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 4(42). pp. 80–85. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/42/14
17. Olszewski, W. (2007) *Tożsamość kulturowa Kresów w humanistycznym nurcie polskiej myśli etnologicznej do roku 1939* [Kresów cultural identity in the humanistic trend of Polish ethnological thought until 1939]. Toruń: Nicolaus Copernicus University.
18. Consulate General of the Republic of Poland in Irkutsk. (n.d.) *Organizacje polonijne w Irkuckim Okręgu Konsularnym* [Polish organizations in the Irkutsk Consular District]. [Online] Available from: https://irkuck.msz.gov.pl/pl/wspolpraca_dwustronna/polonia_na_syberii/organizacje_polonijne/organizacje_polonijne. (Accessed: 25th September 2018).